

Часть 1. Чимабуэ и его современники

Прежде чем говорить о возникновении авторской живописи, кратко опишем повседневную жизнь средневековой Европы, на юге которой, в Италии, эта живопись зарождалась.

К началу XIII века Европа начала оживать от разгрома, вызванного переселением народов. В центре Европы сводились леса, и распаивалась целина. На полях вырастали новые села, а вокруг них расширялись участки под пашню. Население росло, возделываемая площадь увеличивалась, поля стали производительней благодаря большому числу рабочих рук и регулярной вспашке, урожаи стали более богатыми. Между селениями уже не пролегали обширные пустынные пространства. Сближались ранее разорванные человеческие группы. Там, где еще оставались большие расстояния, их теперь легче было преодолевать. Охрана дорог усилилась, хотя сами дороги были еще низкого качества. Все же оснащение их улучшалось, прежде всего, за счет строительства мостов. Усовершенствование упряжи увеличило эффективность гужевого транспорта.

Это создавало условия для развития торговли. Крепла городская буржуазия. Короли и дворянство также были заинтересованы в процветании торговли, из которой они посредством налогов и проездных пошлин извлекали крупные доходы. Средиземное море бороздили все более многочисленные суда, европейские порты становились крупными торговыми центрами. Диапазон венецианской и генуэзской торговли непрерывно рос. Германская торговля аннексировала Балтику. Торговые связи соединили западный и восточный края феодальной Европы через Германию и через ярмарки Шампани. Порты Нидерландов стали местом обмена северных товаров на товары с Запада и с Востока.

Товары, являющиеся предметом торговли, создавались в городах. В них было собрано большое число ткачей, красильщиков, стригальщиков шерсти и сукноделов. Главным товаром на экспорт стало сукно. Запад превратился в мощного поставщика изделий ремесла на Восток. Внешняя торговля притягивала в Европу деньги и драгоценные металлы, следовательно, резко увеличивала запасы платежных средств. Началась чеканка крупных серебряных монет, прежде всего, в Италии, а затем – и чеканка монет из золота [1].

В повседневной жизни господствовал принцип достойного содержания, соответствующего положению в обществе. Сеньор жил «полной чашей» и давал жить многим. Он проводил свои дни на войне и на охоте, прожигал ночи в веселом кругу жизнерадостных собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Так же жили и церковные иерархи, которые стремились превзойти всех в блеске и великолепии.

Стимулом всякой хозяйственной деятельности являлась потребность человека: сколько благ он мог потребить, столько средств он и стремился заработать. Св. Фома Аквинский считал, что отношение человека к миру

внешних благ должно подчиняться некоторому ограничению, которое и определяет подобающее общественному положению содержание. Каждая крестьянская семья получала столько усадебной и пахотной земли, такую долю общинного выгона и леса, в какой она нуждалась для своего пропитания (с учетом оброков, арендной платы и т.п.). Ремесло прокармливало ремесленника. Он работал столько, сколько требовалось, чтобы заработать свое пропитание. Никто не стремился заработать больше, чем требовалось для достойной жизни, соответствующей положению в обществе. Хозяйствовать принято было так, как переняли от отцов, как этому учили с детства, как привыкли. Крестьяне, ремесленники и художники всю работу выполняли сами или с небольшим числом помощников [2].

В сельской местности вдали от городов и деревень, где невозделанные земли все еще занимали много места, следы человеческой деятельности были мало ощутимы. Хищные звери, медведи и особенно волки, бродили по пустошам и даже по возделанным полям. Охота была и спортом, и средством защиты, а ее трофеи - необходимым дополнением к столу. Широко практиковался сбор диких плодов и меда. Инвентарь изготовлялся в основном из дерева. Освещение было слабым, ночи - темными, холод, даже в замковых залах, - суровым.

Высокая детская смертность притупляла чувства, привыкшие к почти постоянному трауру. Жизнь взрослых, даже независимо от влияния войн, была в среднем относительно короткой. Старость начиналась очень рано, с нашего зрелого возраста. Мир считал себя очень старым, но им правили молодые люди. Множество преждевременных смертей было следствием великих эпидемий, а в социальных низах - следствием голода (бедняки недоедали, богачи переедали). В сочетании с повседневным насилием эти катастрофы придавали существованию постоянный привкус бренности.

Картина судеб человека и Вселенной, которую рисовали себе жители Западной Европы той эпохи, почти полностью умещалась в рамках христианской теологии и эсхатологии (религиозного учения о судьбах мира и человека). Но к этому времени возобновились старания теологов придать чудесам опору в виде логического рассуждения. Католицизм еще не завершил разработку своей догматики, а религиозные массы имели о ней смутное представление. Приходское духовенство, вербуемое без должного контроля и дурно образованное, оказывалось в целом не на уровне своей задачи. Проповеди, которые одни только могли по-настоящему открыть народу доступ к тайнам, заключенным в священных книгах, читались нерегулярно. Католическую мессу служили более или менее правильно - а порой, весьма неправильно - во всех приходах. Фрески и барельефы религиозного содержания на стенах или карнизах главных церквей поучали трогательно, но неточно. Многие прихожане лишь по этим изображениям кое-что знали о самых впечатляющих эпизодах прошлого, настоящего и будущего нашего мира.

Но наряду с этим, религиозная жизнь питалась множеством верований и обрядов, которые были либо завещаны древнейшей магией, либо возникли в

сравнительно недавнюю эпоху в лоне цивилизации, еще способной к живому мифотворчеству, и оказывали на официальную доктрину постоянное давление. В глазах людей, способных мыслить, чувственный мир представлял лишь как некая маска, за которой происходило все истинно важное. Результатом такого взгляда было то, что наблюдением, как правило, пренебрегали ради толкования. Этим в значительной мере объясняется слабый интерес науки к природе. Основная масса людей воображала, что ниже единого Бога находятся в состоянии вечной борьбы добрые и злые существа: святые, ангелы, особенно же дьяволы, хотя и подчиненные Его всемогуществу, но противостоящие друг другу. Людям казалось, что все человечество стремительно несется к своему концу. Большинство, разумеется, не думало о своем спасении постоянно. Но уж если задумывалось, то всерьез и рисуя себе вполне конкретные картины. Мысль о вечной награде в сочетании с любованием смертью заставила уйти в монастырь не одного сеньора и даже оставила без потомства не один знатный род.

Однако у многих христиан не хватало духу обречь себя на столь суровую жизнь. С другой стороны, они полагали, что не смогут заслужить царство небесное собственными добродетелями. Поэтому они возлагали надежду на молитвы благочестивых людей, на накопление аскетами заслуг перед богом во благо всех верующих, на заступничество святых. Мысль, что священник, чье тело осквернено плотским актом, неспособен должным образом славить святые тайны, находила самых рьяных поборников не только среди монастырских аскетов и, в еще большей мере, среди теологов, но главным образом среди мирян. В мире, где до той поры священное и светское было почти неотделимо друг от друга, постепенно утверждались изначальность и превосходство духовной миссии, носителем которой была церковь, стремящаяся выделить священника и поставить его над простыми верующими [1].

В это же время были утверждены новые ордена монашества: доминиканцев и францисканцев. Главным делом ордена доминиканцев стала проповедь истинной веры, которая ставилась в обязанность каждому монаху. Францисканцы же, облекшись в темные балахоны, подобие местной одежды низших классов народа, подпоясанные веревкой, разбрелись повсюду, проповедуя всем безвозмездно и поддерживая свое существование милостыней. Обет бедности, в смысле полного отречения от мирских благ, от францисканцев переняли и доминиканцы. Таким образом, оба ордена, благодаря строгому обету нищенства снискали большую популярность в народе, приобрели огромное влияние и могущество [3].

В начале XIII века возникла европейская проза: появились мемуары о завоевании Константинополя, компиляции, предназначенные для просвещения широкой публики. В ту же пору при просвещенных дворах крупных государей чаровала умы литература сказок и грез, романы чистого вымысла, где удивительные ратные подвиги восхищали высшее общество, все еще остававшееся в основе своей военным. Новая литература приглашала

слушателей к размышлению над своим «я». Одновременно практика исповеди «на ухо» духовнику, которая долгое время была в ходу лишь в монастырском мире, распространилась и среди мирян. Хотя в обществе царил дух насилия, резкие скачки настроения, тревожные мысли о сверхъестественном и о вездесущем дьяволе, у людей начал появляться интерес и к собственному внутреннему миру.

Язык культуры почти исключительно был латинским, но в обиходе говорили на родных языках. На латыни не только писали, на ней пели. Лингвистический раскол сводился к противопоставлению двух человеческих групп. С одной стороны, огромное большинство неграмотных говорило на своих региональных диалектах. Их литературный багаж мог включать несколько мирских поэм, передававшихся почти исключительно с голоса, и духовные песнопения, которые сочинялись благочестивыми клириками на народных языках ради пользы простого люда. Им противостояла горстка просвещенных людей – клириков, ученых, литераторов и других носителей культуры, - которые в ходе своей деятельности переходили с повседневного местного говора на ученый универсальный язык. Для них и писались сочинения по теологии и истории, причем, только по-латыни, они понимали литургию, понимали деловые документы. Латинский был не только языком – носителем образования, он был единственным языком, которому обучали. Умение читать означало умение читать по-латыни. Вместе с тем, где бы ни употреблялась латынь, ее преимущество заключалось в том, что она служила средством интернационального общения интеллектуалов той эпохи.

Хотя система назначений кое-где выдвигала на первые роли невежд, епископские дворы, крупные монастыри, королевские капеллы никогда не знали нужды в просвещенных людях, часто баронского или рыцарского происхождения, сознание которых формировалось в монастырских, особенно кафедральных школах. Для тех, кто повелевал людьми, считалось полезным иметь доступ к сокровищнице мыслей и воспоминаний, ключ к которой давала только латынь. Многие монархи придавали большое значение образованию своих наследников. Но остальным мирянам для того, чтобы получить более или менее приличное образование, требовалась поддержка знатного рода, прочно укреплявшего наследственную власть.

Однако большинство представителей рыцарского класса вступали слишком молодыми в жизнь, полную приключений и опасностей, и у них не было досуга готовить себя к этой жизни, разве что на практике или внимая устной традиции. Севернее Альп и Пиренеев большинство мелких и средних сеньоров, в чьих руках тогда сосредоточивалась власть, представляло собой людей совершенно неграмотных в полном смысле слова. Этим отсутствием образованности у мирян объясняется роль духовных лиц как особой касты в государственной иерархии. Во главе канцелярий властителей стояли только церковники. Решения сильных мира сего подчас подсказывались и всегда выражались людьми, которые при всех своих классовых и национальных пристрастиях принадлежали по воспитанию к обществу, по природе интернациональному и основанному на духовном начале. Они старались

напоминать властителям, поглощенным суетой мелких местных конфликтов, о более широких горизонтах.

Между тем миряне во многих отношениях выступали как деятельный элемент светского общества. Даже самые неученые из них, конечно, не были невеждами. При надобности они могли приказать перевести то, что не умели прочитать сами, а, кроме того, они постоянно черпали мысли и воспоминания из духовного источника рассказов на народном языке. Тем не менее, большинство сеньоров, знатных баронов и администраторов не были способны лично ознакомиться с донесением или с приговором судей. Владыкам приходилось восстанавливать свои прежние решения по памяти, поэтому они нередко были начисто лишены духа последовательности. Латынь - единственный язык, на котором считалось достойным фиксировать, наряду со знаниями, наиболее полезными для человека и его спасения, результаты всей социальной практики, - была непонятна множеству лиц, по положению своему вершившими человеческие дела [1].

Хотя средневековая Европа и была разделена на отдельные государства и феодалы, она была объединена католической церковью и противопоставляла себя всем другим не католическим и не христианским государствам. Католическая церковь являлась централизованной иерархической организацией, во главе с папой, на нижних этажах которой находились священники церковных приходов. Особый отряд церкви составляли монахи, которые, в отличие от православных монахов-отшельников, хотя и жили в монастырях, но находились в гуще народа. Церковь выполняла как минимум три функции: идеологическую, политическую и экономическую.

Как идеологическая организация церковь поддерживала религиозность властей и народа с помощью церковных служб, проповедей и ритуалов, неизменными атрибутами которых были произведения искусства. Кроме того, церковь контролировала всю интеллектуальную и культурную жизнь общества. Авторитет церкви держался на религиозном чувстве народа и церковь не жалела средств на его поддержание. Лучшие умы и художественные гении человечества работали во Славу Божию по заказу церкви. Поэтому художники, хотя и относились к сословию ремесленников, постоянно общались с церковными иерархами, интеллектуалами и деятелями культуры, а также были в гуще церковных проблем, интеллектуальной и культурной жизни. Надписи на картинах того времени свидетельствуют о грамотности их авторов. Кроме специального образования в области живописи, художники имели хорошие познания в вопросах религии, что было необходимо для их профессиональной деятельности. Вместе с тем, для неграмотного и религиозного населения художники выступали в роли просветителей, они старались наглядно представить те идеи и сюжеты, которые проповедовала церковь. Поскольку произведения живописи считались лишь предметами культа или украшениями зданий, никто не приходил, и тем более не приезжал издалека специально для того, чтобы посмотреть на эти произведения, - прихожане знали только те художественные произведения, которые они могли видеть в своем городе на

фасадах или в интерьерах соборов и других архитектурных сооружений. По этой же причине картины европейских мастеров тогда еще не были товаром, продаваемым купцами. Однако возросшая свобода передвижения позволяла художникам совершать поездки в разные города для выполнения заказов, хотя дальние путешествия с этой целью в те времена еще не практиковались.

Как политическая организация церковь пыталась руководить всей европейской политикой. Не имея собственной армии, способной заставить главу крупного государства действовать в соответствии с указаниями папы, церковь использовала Страх Божий (угрозу наложения церковного наказания вплоть до отлучения от церкви) как инструмент политического убеждения. Если это не помогало, то церковь создавала коалиции религиозных государей против непокорных, чтобы добиться своих целей силой. Церковь не скрывала своих притязаний на руководство всей политической жизнью Европы. Если эта политика оказывалась успешной, это способствовало укреплению религиозности, если же неудачной, – ее ослаблению. Кроме того, руководство политикой было направлено и на увеличение богатств самой церкви. Поэтому политическая ситуация была одним из главных предметов обсуждения в церковном обществе и в обществе тех прихожан, которые были тесно связаны с церковью (в том числе и в обществе художников).

Наконец, как экономическая организация церковь обладала богатствами, превосходившими богатства любого монарха. Церковная десятина, добровольные пожертвования и завещания в пользу церкви создавали стабильный доход, а монастыри были наиболее экономически эффективными хозяйствами того времени. Обет безбрачия священников не позволял им оставлять находившиеся в их руках богатства своим детям (законных детей быть не могло), и эти богатства оставались в церковном владении. Как обладательница самых крупных богатств церковь была и самым крупным работодателем. Именно церковь щедро оплачивала труд художников, а они платили ей взаимностью, особенно потому, что труд во Славу Божию, как правило, соответствовал их религиозным убеждениям.

Непререкаемыми авторитетами в живописи выступали византийские мастера. Церковные и светские властители вынуждены были приглашать их для выполнения наиболее ответственных заказов. Вместе с тем, постепенно набирали силу и национальные школы живописи. Часто они работали подмастерьями у византийских художников или учились у них. Имена и тех, и других история не сохранила. Однако, начиная с XIII века, до наших дней стали доходить имена итальянских художников, следовавших византийской традиции. Для возникновения европейской живописи, как новой ветви изобразительного искусства, необходима была некая искра, которая смогла бы зажечь новое пламя. Такую искру своим творчеством высек итальянский художник Чимабуэ, который хотя и не был первым европейским художником, но явился основоположником европейской традиции живописи, внеся в византийскую манеру новый «европейский» дух. Эта часть первого тома посвящена предшественникам Чимабуэ, его творчеству и его современникам.